

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ОНЕЙРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

А.Г. КОЗЛОВА, И.Г. БОРИСЕНКО. ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ОНЕЙРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО».

Целью статьи является характеристика онейрического пространства романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» в свете отражения в нём элементов христианского мировоззрения. Хронотоп произведения довольно сложен, в нём соединены реальный мир, связанный с историческим временем, «другое» пространство и время (или «инобытие»), а также сны, которые являются героине как в реальном времени, так и в «инобытии». Граница между последними двумя пространственно-временными локусами размыта, поэтому мы условно объединили их в категории «онейрическое пространство». Не вызывает сомнений, что созданное в романе онейрическое пространство несёт на себе отпечаток христианского мировоззрения и связано с основными темами романа – странничества и борьбы человека в земной жизни, семьи, любви, человеческого выбора и долга. Важное место в нем принадлежит христианским образам-символам, среди которых образы-символы пустыни и путников, двери (дверь в скале), огня, пастуха и овец, столба света, трубного голоса, Новой Земли. Сам путь героев в «инобытии» ассоциируется с чистилищем в католическом вероучении. Онейрическое пространство романа содержит в себе множество аллегорий, углубляющих философскую проблематику произведения и становится ключом к пониманию как центральных образов-персонажей романа, так и авторского мировосприятия.

Ключевые слова: роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», онейрическое пространство, мотив, хронотоп, христианское мировоззрение, Библейские образы-символы.

А.Г. КОЗЛОВА, І.Г. БОРИСЕНКО. ХРИСТІАНСЬКІ МОТИВИ І ОБРАЗИ В ОНЕЙРИЧНОМУ ПРОСТОРИ РОМАНУ Л. УЛИЦЬКОЇ «КАЗУС КУКОЦЬКОГО».

Метою статті є характеристика онейричного простору роману Л. Улицької «Казус Кукоцького» в аспекті відображення в ньому елементів християнського світосприйняття. Хронотоп твору доволі складний, у ньому поєднані реальний світ, пов'язаний з історичним часом, «інший» простір і час («інобуття»), а також сні, які бачить героїня як в реальному часі, так і в «інобутті». Межа між останніми двома просторово-часовими локусами розмита, тому ми умовно поєднали їх в категорії «онейричний простір». Не викликає сумнівів, що створений у романі онейричний простір несе на собі відбиток християнського світосприйняття і пов'язаний з основними темами твору – мандрівництва та боротьби людини в земному житті, сім'ї, любові, людського вибору і боргу. Важливе місце в ньому належить християнським образам-символам, серед яких образи-символи пустелі і подорожніх, дверей (двері у скелі), вогню, пастуха й овець, стовпа світла, трубного голосу, Нової Землі. Сам шлях героїв в «інобутті» асоціюється з чистилищем у католицькому віровченні. Онейричний простір роману містить у собі значну кількість алегорій, які поглиблюють філософську проблематику твору і стають ключем до розуміння як центральних образів-персонажів роману, так і авторського світосприйняття.

Ключові слова: роман Л. Улицької «Казус Кукоцького», онейричний простір, мотив, хронотоп, християнське світосприйняття, Біблійні образи-символи.

A. KOZLOVA, I. BORISENKO. CHRISTIAN MOTIVES AND IMAGES IN THE ONEIRIC SPACE OF THE NOVEL L. ULITSKAYA "THE CASE OF KUKOTSKY".

The purpose of the article is to characterize the oneiric space of L. Ulitskaya's novel "The case of Kukotsky" in the light of the reflection of elements of the Christian worldview in it. The chronotope of the work is rather complicated, it combines the real world associated with historical time, "other" space and time (or "the other being"), as well as dreams that come to the heroine both

in real time and in "the other being". The boundary between the last two spatio-temporal locus is blurred, so we conditionally combined them into the category "oneiric space". There is no doubt that the oneiric space created in the novel bears the imprint of the Christian worldview and is associated with the main themes of the novel – the man's wandering and struggling in the earthly life, family, love, human choice and duty. An important place in it belongs to Christian symbolic images, among which are images of symbols of the desert and travelers, doors (a door in the rock), fire, a shepherd and sheep, a pillar of light, a trumpet voice, the New Earth. The heroes' path in "the other being" itself is associated with purgatory in the Catholic dogma. The oneiric space of the novel contains many allegories that deepen the philosophical problems of the work and becomes the key to understanding both the central images-characters of the novel and the author's worldview.

Keywords: novel by L. Ulitskaya "The case of Kukotsky", oneiric space, motive, chronotope, Christian worldview, Biblical images-symbols.

Людмила Улицкая – одна из самых ярких представителей современной русской прозы. Её произведения постоянно привлекают внимание не только широкой читательской аудитории, но и критиков и исследователей литературы. Не стал исключением и роман Улицкой «Казус Кукоцкого», получивший премию «Русский Букер» за 2001 год и экранизированный в 2005 году режиссёром Юрием Грымовым.

Среди тех, кто обращался к анализу романа «Казус Кукоцкого», Н. Вакурова и Л. Московкин [1], С. Ишекова [4], Н. Песочинский [6], О. Рыжова [7], Ю. Семикина [8], М. Сипаткина [9] и др. Изучению его отдельных аспектов уделено внимание в посвящённых творчеству Улицкой диссертациях Н. Егоровой [2] и Т. Скоковой [10]. Своеобразие онейрического пространства романа анализировалось в статье Ю. Ковриги [5]. Тем не менее, место и значение романа в русской и мировой литературе начала XXI века, а также особенности построения онейрического пространства и его роль в раскрытии идейно-художественной концепции произведения всё еще недостаточно изучены.

Целью нашей статьи является характеристика онейрического пространства романа «Казус Кукоцкого» в свете отражения в нем элементов христианского мировоззрения.

Ю.Г. Семикина обращает внимание на то, что хронотоп романа «Казус Кукоцкого» довольно сложен, в нём можно выделить историческое время, «модель времени, свойственную для религиозного восприятия, в данном случае христианского (реальное время – вечность, бытие – инобытие), и нерелигиозное мировоззрение (жизнь – смерть)», а также «субъективно переживаемое героями время» и «кризисное время» [8, с. 168] (в последнем случае исследовательница ссылается на Н.Д. Тмарченко [11, с. 182]). Таким образом, в романе соединены реальный мир, сопряженный с историческим временем, «другое» пространство и время (или «инобытие»), в котором представлены идущие к определённой цели герои, а также сны, которые являются героине как в реальном времени, так и в «инобытии» (граница между последними двумя пространственно-временными локусами размыта, поэтому мы условно объединили их в категории «онейрическое пространство»).

Являясь одним из способов психологического художественного освоения реальности, онейрическое пространство выполняет, на наш взгляд, едва ли не главенствующую роль в композиции и идейно-художественной концепции романа «Казус Кукоцкого». В нём представлены сны-предсказания, сны-предупреждения, сны-разъяснения, сны – пограничные состояния, а также сны, отражающие психологическое состояние персонажа, его душевную травму или мировоззренческую позицию. Иногда один и тот же сон совмещает в себе разные характеристики.

Ю.Г. Семикина отмечает, что «в снах Елены равновесие между внешним и внутренним мирами резко нарушено в пользу внутреннего, особенно в конце романа, когда описание внешних событий в жизни героини почти отсутствует» [8, с. 169]. В дневнике героини много говорится о снах, пребывание в которых «не менее реально, чем всё то, что окружает нас здесь», и которые «находятся в какой-то зависимости от дневного мира» [13, с. 113]. Улицкая отмечает, что сама Елена была «совершенно уверена в том, что ни случайного, ни лишнего не показывают...» [13, с. 124] и что иногда «...в дневную жизнь ничего не втискивается, не протискивается, всё важное остаётся во сне» [13, с. 111].

Представленный в романе ирреальный мир, постоянно контрастируя с пространством романного реального мира, связан с раскрытием вопросов философских, мировоззренческих, экзистенциальных, в частности проблемы жизни и смерти, в связи с чем в снах и пограничных

состояниях героев автор использует знакомые образы-символы перехода из одного состояния в другое, которыми служат «дверь, окно, вода, песок, свет, небо, переход по мосту через каменное русло иссохшей реки» [8, с. 170]. Сама Елена признаётся: «Вообще, с дверьми и окнами в моих снах много чего связано» [13, с. 113] и трактует символику этих «порталов» следующим образом: «Окна и двери... Окна и двери... Даже ребёнку ясна разница: дверь – граница. За дверью – другое помещение, другое пространство. Входишь туда – изменяешься сам. Невозможно не измениться. А окно только одалживает своё знание на время. Заглянул – и забыл. Но это уже касается моих снов» [13, с. 117].

Ю.В. Коврига, предлагая свою классификацию представленного в романе образа-символа двери («предполагаемые, но невидимые» двери, «не те двери, что нужны», «дверь-проём», «дверь в скале»), говорит о двери в скале как одном из самых «семантически концентрированных» образов [5, с. 108].

В одном из сновидений перед героиней предстаёт дверь в скале: «Дверь эта была в скале... <...> Потом как будто перестроился мой взгляд, подкрутили какой-то винтик, легкая волна прошла по поверхности, и я увидела вырубленную в скале дверь с нанесенным на нее рельефом» [13, с. 113–114]. Этот образ представляет особый интерес, т.к. является двойной отсылкой к образу Христа. В Библии Иисус называет себя дверью – единственным путем к спасению и вечной жизни: «**Я есть дверь**: кто войдёт Мною, тот спасется, и войдёт, и выйдет, и нажить найдёт» (Евангелие от Иоанна 10:9) (здесь и далее выделено нами. – А.К., И.Б.). Соотнесённость этого образа с образом Христа намеренно подчёркивается писательницей включением в данный эпизод довольно легко «вычитываемого» из текста изображения иконы «Успение Пресвятой Богородицы», на которой Богородица изображена одновременно в трех ипостасях: младенец – усопшая – дух. (Хотя это событие не описывается в Библии, о нем известно по Преданию Церкви.) На иконе Христос держит на руках Ту, которая некогда держала Его на руках в Своей земной жизни: «...и тогда мне открылся смысл – я узнала высокое ложе, с плавным телом, стекающим с высокого изголовья, сложенные смиренно тонкие ручки, склоненные вокруг лобастые еврейские головы, а над всеми ними – одинокая фигура Сына с дитем-Матерью на руках...» [13, с. 114].

О соотнесённости образа скалы с Богом свидетельствует Библейский текст: «*Верьте Господу во все века, потому что Господь, Господь – скала навеки*» (Исайя 26:4) и Псалтырь: «*Господь – скала моя, / твердыня моя и мой избавитель, / Бог мой – скала моя...*» (Псалтырь 17:3).

Особый интерес для нашего исследования представляет вторая часть романа, являющаяся, по мнению литературоведов, «вставной новеллой вещего сна Елены Георгиевны» [3, с. 202], в котором изображено путешествие героев «по неопределённому маршруту» [13, с. 203]. Это путешествие героев по инобытию можно подразделить на 2 этапа – этап странствия и преобразования и окончательный переход и изменение. Здесь писательница обращается к Библейскому мотиву дороги к Новой Земле.

В начале путешествия Елены в инобытии (в этой части романа она получает именование «Новенькая») мы видим некий мир, напоминающий однообразную песчаную пустыню в «мягком полусумеречном свете» [13, с. 195], который никогда не сменяется темнотой, где отсутствуют день и ночь, где «какая-то другая система координат» – «множественная», «у каждого своя» [13, с. 201], как и своё уникальное движение времени. Герой по имени Иудей объясняет Новенькой: «Их, времён, несколько, и они разные: время горячее, время холодное, историческое, метаисторическое, личное, абстрактное, акцентированное, обратное, и еще много всяких других...» [13, с. 201].

Если обратиться к христианской картине мира, то этот этап «инобытия» можно соотнести с чистилищем в католическом вероучении. В современном католическом богословии о чистилище говорится не как о *месте*, а как о *процессе* очищения, к которому не применимы земные временные характеристики: «Этот процесс современные богословы рассматривают не в терминах наказания за грех или выплаты долга, а в терминах духовного роста: внутреннее очищение, которое человек испытывает, избавляясь от остатков эгоистической привязанности к себе самому» [14, ст. 235–237]. Именно такое очищение, а вместе с ним и преобразование проходят главные герои на пути «к другой стороне»: «...каждый персонаж имеет свой собственный сюжет. Скорее не сюжет, а задание, сформулированное по известному сказочному принципу: *пойди туда – незнамо куда, принеси то – незнамо что...* Похоже, что все они, как каторжники к ядру, были прикованы к какому-то заданию и не могут отсюда выбраться, куда его не

исполнят. Создавалось, однако, впечатление, что не все они даже догадываются, чего именно от них ждёт неведомый режиссёр всего этого действия. Да и сам Бритоголовый точно не знал, зачем он здесь находится» [13, с. 235–236].

Улицкая использует целый ряд христианских образов-символов, аллегорий и библейских аллюзий, углубляющих философскую проблематику романа. С их помощью раскрывается тема жизни, смерти и вечного странничества человека. В первую очередь, это образ пустыни и путников, на которых лежит *«общая печать странной целеустремлённости и сосредоточенности при полнейшей неопределённости движения»* [13, с. 199], которые являются аллюзией к странствованиям израильского народа во главе с Моисеем по пустыне в надежде обрести обетованную Богом землю.

К этому же ряду можно отнести образ прозрачного бело-голубого огня, маленького костерка, вокруг которого собраны путники и который поддерживает их, питает, давая им мир, покой и отдых: *«От костра шло, кроме тепла, еще и иное излучение, очень приятное»* [13, с. 199]; *«Ей давно уже стало ясно, что усталость в здешних местах происходит не от самого движения через плоские песчаные холмы, движения довольно медлительного, но не расслабленного, а именно от нехватки особого рода тепла, которое излучал бледный костерок»* [13, с. 200]; *«Новенькая сидела, поглощала телом лучи и наполнялась силой. Этот хилый костер всех питал...»* [13, с. 201]; *«Новенькая почувствовала, что силы её покидают, и опустилась на землю. Оглядевшись, заметила, что у всех людей вид измученный, полусонный... отчего огонь налился синевой и стал мощнее облучать своим питающим светом...»* [13, с. 210].

Образ-символ огня в Библейской традиции соотнесён с явлением Бога. Достаточно вспомнить историю о Моисее, в которой Бог говорил с ним в огне горящего тернового куста. Подобно Богу, сопровождавшему иудейский народ в огненном столпе, костерок в романе дает путникам свет и тепло и помогает им двигаться дальше, наполняя уверенностью и давая силы. В Библии говорится: *«Господь же шёл перед ними днём в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днём и ночью»* (Исход 13:21). Образ огненного столпа встречается в Библейских текстах неоднократно: *«...Ты идёшь перед ними днём в столпе облачном, а ночью в столпе огненном»* (Числа 14:14); *«В столпе облачном Ты вел их днём и в столпе огненном – ночью, чтобы освещать им путь, по которому идти им»* (Неемия 9:12); *«...дал вам свет в столпе огненном, и многие чудеса сотворил среди вас; а вы Меня забыли, говорит Господь»* (3 Ездры 1:14) и др.

В связи с образом костерка можно вспомнить и о том, что в церковном предании, которое ссылается на определённые тексты Писания, говорится об очистительном огне: *«Что касается некоторых менее тяжких прегрешений, надо думать, что до суда существует очистительный огонь, согласно словам Того, Кто есть истина, говорящего, что если кто скажет хулу на Духа Святого, то не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Мф 12:31-32). Исходя из этого суждения, мы можем понять, что некоторые грехи могут быть отпущены в веке сем, а некоторые другие – в будущем»* (Катехизис Католической Церкви 1031) (цит. по: [12]). Так что в этом смысле образ костерка как очищающего огня вполне соотносится с идеей чистилища.

Отдельные персонажи романа также коррелируют с Библейской историей. Так, прообразом Гольдберга является библейский Моисей. А именование Гольдберга в этой части произведения Иудеем еще раз отсылает нас к библейским истокам. Он единственный из всех обладает пониманием происходящего и имеет некую связь с маленьким костерком: *«Потом Иудей протянул руку над костром, сделал такое движение рукой, как будто зажал что-то в руке, и огонь угас»* [13, с. 199]. Только он способен разжечь этот костёр с помощью неких магических действий и чего-то, напоминающего молитву: *«Иудей подошел, протянул руку, чуть согнув кисть, пошевелил тонкими губами – и ветки загорелись синевато-белым огнем»* [13, с. 207]. Затем эту функцию Иудей передает Бритоголовому (Кукоцкому. – А.К., И.Б.), вверяя ему зажигалку, вживленную в руку, и даруя возможность разжигать этот исцеляющий и укрепляющий огонь.

Еще одной задачей Бритоголового становится водительство путников и помощь им на пути к месту назначения: *«После одного из привалов <...> он (Бритоголовый. – А.К., И.Б.) явственно ощутил, в какую сторону надо идти»* [13, с. 237]; *«Он подошёл к самому краю. Остальные стояли овечьим сбившимся стадом за его широкой спиной»* [13, с. 253]. Здесь возникает еще один Библейский образ – пастуха и овец (стада), где пастух – кормилец, путеводитель, защитник и постоянный спутник овец – нуждающегося в защите и опеке народа. В Священном Писании говорится: *«И народ Свой он вывел, как овец, вёл их, как стадо, через*

пустыню. Вёл их в безопасности, и не боялись они, а врагов их покрыло море. Так Он привёл их к границам святой земли, к нагорьям, которые приобрёл Он правой Своей рукой» (Псалтырь 77:52-54). И если образ Иудея (Гольдбега) можно соотнести с образом Библейского Моисея, то образ Бритоголового (Кукоцкого) – с Библейским образом преемника Моисея – Иисуса Навина, который вслед за Моисеем получил предназначение вести народ, «чтобы не осталось общество Господне, как овцы, у которых нет пастыря» (Числа 27:17).

В этой части романа Улицкая использует ещё один Библейский образ – столба света, который преобразуется в дверь и позволяет героям заглянуть «по ту сторону»: «...Бритоголовый, а следом за ним и Новенькая, заметили на горизонте какой-то дребезжащий столб света, который то ли сам приближался, то ли они его быстро настигали... Столб светлел и наливался металлическим блеском. И вот они уже стояли у его основания, превратившегося постепенно в закругленную стену из прозрачного светлого металла... – Ну вот, – сказал Иудей, сделал в воздухе неопределенный жест, и на поверхности стены обозначилась прямоугольная вмятина, вокруг которой мигом вырос наличник и образовалась дверь. <...> Там, за дверью, свет стоял столбом, сильный и плотный, почти как вода» [13, с. 211–212]. Напомним, что в Библии Иисус называет себя дверью – единственным путем к спасению и вечной жизни.

На протяжении своего пути каждый из странников должен принять жизнь и смерть и научиться «быть самим собой». Не случайно именно в инобытии Кукоцкий принимает на себя позицию лидера, так не свойственную ему в реальной жизни, ведь только здесь человек может реализовать то, что было неподвластно ему при жизни. «– ...Ландшафтная архитектура, о чем и мечтала... Последний курс я не успела окончить, оставалось два экзамена и диплом. А здесь, видишь, всему научилась...» [13, с. 213], – говорит некая «молодая женщина», одна из обитательниц инобытия, прошедшая весь путь. Именно здесь Кукоцкий получает второй шанс в построении отношений с Еленой и становится для неё той опорой и поддержкой, которой не смог стать в жизни: «Эта была единственная, ему предназначенная женщина, и он готов был начать всё заново, подойти к ней так, как впервые подходит мужчина к понравившейся ему незнакомой женщине» [13, с. 236].

В момент, когда происходит окончательный переход и преображение героев, возникает Библейский образ трубного голоса, который призывает Иудея (Гольдберга) на некое подобие суда, после которого он переходит в «новую жизнь»: «...но тут раздался звук – он был поначалу не очень громким, но тревожным. Это был звук дороги, достигающий до самых глубин... <...> В этом звуке был ещё голос, очень внятно объявляющий: – Приготовьтесь! Приготовьтесь! <...> Но звук был – звуком трубы... <...> Звук трубы, пронзительный, похожий на многократно усиленный сигнал пионерской тревоги, нарастал...» [13, с. 227]. В Первом послании Коринфянам читаем: «Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мёртвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие» (1 Коринфянам 15:51-53).

Конечной точкой скитаний героев в инобытии становится новая реальность, соотносимая с Библейским образом Новой Земли, где нет страдания и боли: «Мир, разворачивающийся перед её глазами, был похож на всё лучшее, что она видела в своей жизни» [13, с. 263]. Тела героев, прошедших очищение, приобретают совершенство, все телесные недуги устраняются: «... Впереди шагал Бритоголовый, а замыкал шествие Хромой, который больше уже не хромал...» [13, с. 228]; «Идти было хорошо. Легко. Она была молодой и лёгкой. Все было совершенно правильно, хотя и совсем не похоже на то, к чему она так долго готовилась... Все физические неудобства её существования, связанные с опухшими проржавелыми суставами, осевшим и искривившимся позвоночником, отсутствием зубов, слабостью слуха и зрения, вялостью кишечника, – всё это совершенно исчезло, и она наслаждалась лёгкостью собственного шага, огромности обзора, дивной согласованности тела и мира, раскинувшегося вокруг нее» [13, с. 197]; «Она сидела на бугре, вдыхала, смотрела и слушала – привыкала к новой земле и к самой себе, тоже новой» [13, с. 265]. Именно в таком теле воскрес Иисус, показав, что ждет нас после этой жизни.

Следует отметить, что при всём том Новая Земля не перестаёт быть землёй. И если путешествие героев проходило по пустыне-чистилищу, без запада и востока, дня и ночи, то изображённая в конце путешествия земля имеет все эти признаки, что соотносится с Библейской концепцией Новой Земли: «Место это было прекрасным, хотя бы по одному тому, что солнце стояло в зените, указывая на полуденный час, и Бритоголовый обрадовался, что снова оказался

там, где есть запад и восток, север и юг и, в конце концов, верх и низ. <...> Мир, в котором он пребывал, вызывал полное доверие, но требовал отказа от прежних навыков мышления, и он, по своей давней способности к ученичеству, был к этому готов. Всё вокруг было зелено, мирно и тепло» [13, с. 266]. Обратимся к Библейскому тексту: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» (Откр. 21:1); «...И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21:3,4); «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. ⁷ И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. ⁸ И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. ⁹ Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Исаия 11 глава).

Не вызывает сомнений, что созданное в романе онейрическое пространство несёт на себе отпечаток христианского мировоззрения и связано с основными темами романа – странничества и борьбы человека в земной жизни, семьи, любви, человеческого выбора и долга. Используемые в онейрическом пространстве романа «Казус Кукоцкого» христианские образы-символы призваны, на наш взгляд, донести главную идею романа, восходящую к основному христианскому мотиву победы жизни над смертью. Идея эта озвучена в произведении устами бабушки Елены: «Смерти нет...» [13, с. 119]. Несмотря на то, что тема смерти является в романе сквозной, не вызывает сомнений, что смерть в его концепции является не конечной точкой, скорее, началом пути человеческого: «Профессор заглядывал через плечо Новенькой. Что-то страшное пришло ему в голову, и он хрипло спросил: – Он умер? – Что вы! Смерти вообще-то нет, Профессор. А этот, я думаю, гораздо ближе к началу, чем к концу, – таинственно ответил Бритоголовый» [13, с. 239].

Таким образом, сны и пограничные состояния выполняют чрезвычайно важную роль в идейно-художественной концепции романа Улицкой «Казус Кукоцкого». Активно используя в них мифопоэтические и библейские мотивы и образы, писательница создает свою мифологию, имеющую значительный отпечаток христианского мировоззрения. Онейрическое пространство романа содержит в себе множество аллегорий, углубляющих философскую проблематику произведения, в котором автор размышляет о многовековой эволюции человечества, о жизни и смерти, рождении и материнстве, о семейных ценностях, взаимоотношениях мужчины и женщины, о долге и выборе, о важности служения людям в своей профессии и о вечном человеческом странничестве. Онейрическое пространство во многом становится ключом к пониманию как центральных образов-персонажей романа, так и авторского мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакурова Н., Московкин Л. Третье состояние: жизнь как казус (Людмила Улицкая «Казус Кукоцкого». Роман. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 448 с.). URL: http://leomosk.narod.ru/works/zizn_concepacion.htm (дата обращения: 20.10.2019).
2. Егорова Н.А. Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2007. 24 с.
3. Ермошина Г. Форма борьбы со временем – печальная попытка его уничтожения. *Знамя*. 2000. № 12. С. 201–203.
4. Ишекова С.А. Эпиграф как форма диалога автора и читателя: на материале романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/epigraf-kak-forma-dialoga-avtora-i-chitatelya-na-materiale-romana-l-ulitskoj-kazus-kukotskogo> (дата обращения: 18.10.2019).
5. Коврига Ю.В. Онейрическое пространство романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2018. № 6 (38). Ч. 2. С. 105–112.
6. Песочинский Н. Экзаменатор: Кукоцкий. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/ekzamenator-kukockij/> (дата обращения: 19.09.2019).
7. Рыжова О. Коитус Кукоцкого, или Самая интеллигентная домохозяйка. *Литературная газета*. 2004. № 37. С. 11.
8. Семикина Ю.Г. Антиномия «открытого» и «замкнутого» хронотопа в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки»*. 2008. № 2(26). С. 167–171.
9. Сипаткина М.Т. «Казус Кукоцкого» Людмилы Улицкой как образец современного романа «нерешенных вопросов» (размышления учителя литературы). *Наукові праці Кам'янець-*

Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Сер. «Філологічні науки». 2015. Випуск 39. С. 244–249.

10. Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.01.01. М., 2010. 18 с.

11. Теория литературы: Учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

12. Трудные вопросы: чистилище. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2018-10/trudnye-voprosy-chistilishe.html> (дата обращения: 6.12.2019).

13. Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого: Роман. М.: Эксмо, 2003. 464 с.

14. Чистилище. *Католическая энциклопедия*. М.: Изд. францисканцев. 2013. Т. 5. С. 235–237.

REFERENCES

1. Vakurova, N., Moskovkin, L. Trietie sostoiannie: zhizn kak kazus (Ludmila Ulitskaia “Kazus Kukotskoho”). Roman. M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2000. 448 s. URL: http://leomosk.narod.ru/works/zizn_concepcion.htm (data obrasheniya 20.10.2019 g).

2. Yehorova, N.A. Proza L. Ulitskoy 1980–2000-h hodov: problematika I poetika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Volhohrad, 2007. 24 s.

3. Yermoshina, H. Forma borby so vriemieniem – piechalnaia popytka yeho unichtozheniia. *Znamia*. 2000. № 12. S. 201–203.

4. Ishieikova, S.A. Epigraf kak forma dialoga avtora i chitateliia: na matierialie romana L. Ulitskoy “Kazus Kukotskoho”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/epigraf-kak-forma-dialoga-avtora-i-chitatelya-na-materiale-romana-l-ulitskoy-kazus-kukotskogo> (data obrasheniya 18.10.2019).

5. Kovriha, Yu.V. Onieiricheskoe prostsanstvo romana L. Ulitskoy “Kazus Kukotskoho”. *Aktualnyie nauchnyie issliedovaniia v sovriemiennom mirie*. 2018. № 6 (38). Ch. 2. S. 105–112.

6. Piesochinskii, N. Ekzamenator: Kukotskii. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/ekzamenator-kukockij/> (data obrasheniya: 19.09.2019).

7. Ryzhova, O. Koitus Kukotskoho, ili Samaiai ntielihentnaya domohoziyayka. *Litieraturnaia hazieta*. 2004. № 37. S. 11.

8. Siemikina, Yu.H. Antinomiia “otkrytoho” i “zamknytoho” chronotopa v romaine L. Ulitskoy “Kazus Kukotskoho”. *Izviestiia Volhohradskoho hosudarstviennoho piedahohichieskoho univiersitieta. Sieriiia “Filolohichieskiie nauki”*. 2008. № 2 (26). S. 167–171.

9. Sipatkina, M.T. “Kazus Kukotskoho” Ludmily Ulitskoy kak obraziets sovriemiennoho romana “nierieshonnykh voprosov” (razmyshlieniiia uchitielia litieratury). *Naukovi pratsi Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universitetu imeni Ivana Ohiiienka. Ser. “Filolohichni nauky”*. 2015. Vypusk 39. S. 244–249.

10. Skokova, T.A. Proza Ludmily Ulitskoy v kontiektstie russkoho postmodiernizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. M., 2010. 18 s.

11. Tieoriiia litieratury: Uchiebnoie posobiie dlia studentov filol. fak. vyssh. uchieb. zaviedieniy: V 2 t. / pod ried. N.D. Tamarchienko. T. 1. Tieoriiia chudozhiestviennoho diskursa. Tieorietichieskaia poetika. M.: Izdatielskii tsentr “Akadiemiia”, 2004. 512 s.

12. Trudnyie voprosy: chistilishchie. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2018-10/trudnye-voprosy-chistilishe.html> (data obrasheniya: 6.12.2019).

13. Ulitskaia, L.Ye. “Kazus Kukotskoho”: Roman. Novel. M.: Eksmo, 2003. 464 s.

14. Chistilishchie. *Katolichieskaia entsyklopediia*. M.: Izd. frantsyskantsiev, 2013. T. 5. S. 235–237.

Козлова Алла Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета славистики Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: [0000-0002-2177-7746](https://orcid.org/0000-0002-2177-7746). E-mail: kozlovaag7@gmail.com.

Борисенко Ирина Геннадьевна – магистрант факультета славистики Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды ORCID ID: [0000-0001-8577-4328](https://orcid.org/0000-0001-8577-4328). E-mail: 024niko024@gmail.com.

(Статья поступила в редакцию 10 декабря 2019 г.)